

ОТ АВТОРОВ-СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящее время квалификация так называемых аффективных преступлений по ст.ст. 107 и 113 УК РФ (и соответственно судебно-экспертная диагностика аффекта) является довольно острой практической проблемой. Об этом свидетельствует в первую очередь статистика выявленных преступлений, совершенных в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта). По данным ГИЦ МВД России, в последние годы зарегистрировано существенное снижение их числа.

Вряд ли возможно прямо связать низкое количество выявленных в последние годы правонарушений, совершенных в состоянии аффекта, с динамикой общей преступности или противоправных и аморальных посягательств на law-омерно ведущих себя граждан. Определяющим, по всей вероятности, является изменение редакций статей УК, касающихся преступлений, совершенных в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, что повлекло за собой множество проблем правоприменения, в том числе и связанных с использованием судебно-психологических и комплексных психолого-психиатрических экспертных заключений.

Разработка судебно-психологических экспертных критериев диагностики аффекта у обвиняемого, их адекватное применение в судебной экспертизе являются актуальными научно-практическими задачами.

Поэтому представляется, что издание хрестоматии, посвященной проблеме определения аффекта у обвиняемого в практике комплексной судебной психолого-психиатрической

экспертизы (КСППЭ), будет весьма своевременным. Следует отметить, что на эту тему были опубликованы очень важные исследования аффектов у психически здоровых обвиняемых на материале однородной судебно-психологической экспертизы (СПЭ), которые внесли огромный вклад в разработку критериев судебно-экспертной психологической оценки эмоциональных состояний (Коченов М.М., Ситковская О.Д., Алексеева Л.В., Шипшин С.С. и др.). Однако мы ограничились трудами, выполненными в русле судебной психиатрии и психолого-психиатрической экспертизы, по некоторым причинам.

Во-первых, уголовно релевантные («физиологические») аффекты, не обуславливающие экскульпации обвиняемых, были выделены именно в судебной психиатрии еще в XIX веке.

Во-вторых, в настоящее время государственными судебно-экспертными учреждениями проводится около 50 тыс. КСППЭ и только около 2 тыс. СПЭ. Иными словами, подавляющее большинство судебных экспертиз аффекта проводится при совместном использовании специальных знаний в области психологии и психиатрии.

В-третьих, учет такого важного фактора, как патологическая «почва», на которой возникают и развиваются эмоциональные реакции и состояния в момент совершения правонарушения, значительно повышает точность и надежность судебно-экспертной диагностики аффекта, что возможно только в рамках КСППЭ. Доля обвиняемых с пограничной психической патологией (расстройство личности, органическое психическое расстройство и др.) среди лиц, совершивших преступления в состоянии аффекта, составляет более половины случаев.

В-четвертых, в рамках однородной СПЭ при установлении отсутствия признаков аффекта у обвиняемого эксперты лишены возможности выносить иные судебно-эксперт-

ные оценки, например, ограничение способности обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими во время совершения преступления в силу психического расстройства (что имеет значение для квалификации ст. 22 УК РФ).

Мы видим нашу задачу в том, чтобы читатель имел возможность:

- проследить историю становления понятия аффекта в судебно-психиатрической и психолого-психиатрической экспертизах;
- усвоить современные представления о судебно-психологических экспертных критериях диагностики аффекта при обследовании не только психически здоровых, но и лиц с пограничной психической патологией;
- ознакомиться с тем разнообразием задач, которые стоят перед психологами и психиатрами при производстве КСППЭ (дифференциальная диагностика патологического и нормального аффекта, соотношение аффекта с нормами «ограниченной вменяемости», особенности аффекта у несовершеннолетних с психическими аномалиями и т.п.), на конкретных примерах наиболее сложных экспертиз.

Содержание хрестоматии включает четыре части.

В первой части освещается история становления понятия аффекта. В работах Р. Крафт-Эбинга, Я.А. Боткина, В.Ф. Чиза, Я.М. Калашника, Т.П. Печерниковой, В.В. Гульдана, В.В. Остришко нормальные, «физиологические» аффекты выделяются в дифференциально-диагностическом контексте, при их разграничении с аффектами «патологическими». Эти работы, с одной стороны, позволяют понять логику определения эмоциональных реакций и состояний, не исключающих вменяемости, у обвиняемых (в том числе и с пограничными психическими расстройства-

ми), а с другой — показывают, насколько сложным было соотнесение аффекта с правовыми нормами отечественного законодательства, действовавшими в различные эпохи.

Во вторую часть включены работы классиков отечественной общей психологии: фрагмент книги С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» и две лекции А.Н. Леонтьева, посвященные исследованиям аффекта. В этих текстах, особенно в лекциях А.Н. Леонтьева, проводится, пожалуй, наиболее четкое и ясное разграничение четырех классов эмоциональных явлений: аффектов, собственно эмоций, настроений и чувств. Более того, внимательное прочтение этих трудов подводит к очень важной мысли: вопреки мнению некоторых авторов, что психологические понятия должны использоваться в уголовном праве только в том точном значении, которое принято в самой психологии, аффекты в общей психологии полностью не совпадают ни с «аффектом (внезапно возникшим душевным волнением)» как квалифицирующим признаком составов преступления по ст.ст. 107 и 113 УК РФ, ни с аффектом как судебно-психологическим экспертым понятием.

Именно аффекту как судебно-психологическому экспертым понятию посвящены методические рекомендации «Судебно-психологические экспертые критерии диагностики аффекта у обвиняемого», которые практически полностью приведены в *третьей части* хрестоматии. Они составлены сотрудниками Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, утверждены Минздравом и Минюстом России как унифицированные и единообразные критерии, рекомендованные для государственных судебно-экспертыых учреждений. В них рассмотрен алгоритм проведения судебной экспертизы аффекта, показаны особенности диагностики аффекта на патологической почве, на фоне алкогольного опьянения,

у несовершеннолетних обвиняемых, приведены критерии дифференциальной диагностики «нормального» и «патологического» аффектов, разграничения аффекта и эмоциональных реакций (состояний) в рамках «вменяемости» и «ограниченной вменяемости».

Все эти вопросы иллюстрируются разнообразными и во многом поучительными примерами наиболее сложных КСППЭ, проведенных в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского за последние десять лет. Практически все работы *четвертого раздела* были опубликованы в регулярно издаваемом Центром им. В.П. Сербского ежегоднике «Практика судебно-психиатрической экспертизы».

Часть I

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АФФЕКТА В СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ

P. Крафт-Эбинг

Судебная психопатология¹

<...>

Аффекты, или душевные волнения, суть состояния, которые, в известных пределах их проявления, относятся еще к области физиологической душевной жизни, хотя нельзя отрицать, что при всяком сильном душевном волнении наступают уже заметные расстройства телесных и психических направлений и самообладание может претерпевать значительное нарушение. Наблюдение учит, что при физиологических условиях у людей, достигших известного возраста и получивших соответственное воспитание, вырабатывается способность — исправлять и преодолевать представления и стремления, вызываемые сильным душевным волнением. Поэтому законодательство не считает безусловно невменяемыми действия, совершаемые под влиянием аффекта и столь часто ведущие к тяжким преступлениям.

Во всяком случае, состояние аффекта есть скоропреходящее расстройство в психическом механизме, состояние, при котором психическая способность противодействия, поскольку она основывается на правовых и нравственных воззрениях человека, до известной степени понижается.

¹ Фрагмент книги: *Крафт-Эбинг Р. Судебная психопатология*. — СПб, 1898.

Индивидуальность данного лица, окружающая его обстановка и ближайшие поводы к аффекту образуют собой целый ряд моментов, существенно влияющих на субъективный вопрос о виновности, обусловливающих тот или другой результат аффекта и оказывающих крайне разнообразными, и по своему существу, и по своему действию, у различных индивидуумов.

Темперамент, характер, воспитание, — все это обстоятельства, за которые закон не может признавать человека ответственным, но от которых тем не менее главным образом зависит способ обнаружения аффекта.

Законодательство принимает в надлежащее внимание этот факт и потому старается строго отличать наказуемые действия, совершаемые под влиянием душевного волнения, от действий, хотя и сходных с аффектными по внешнему результату, но задумываемых и выполняемых в состоянии душевного спокойствия и равновесия психических функций. Совершенно иначе квалифицируя аффектные действия и гораздо снисходительнее относясь к ним, правосудие, однако же, не может упускать из виду, что аффект и умысел не представляются несовместимыми противоположностями и что аффект так же не исключает умысла, как и умысел — аффекта.

Должно остерегаться также ошибочного заключения, что данная личность способна была противодействовать аффекту до полного подавления его, потому что этот аффект, очевидно, длился у нее довольно долгое время, прежде чем перешел в действие.

При таком воззрении забывают, что у страстных людей зародившийся аффект постепенно сам собою нарастает под влиянием соответственных, вызываемых им, представлений, и что люди, высокоразвитые в нравственном и умственном отношениях, могут продолжительное время сдерживать свое душевное волнение, пока какое-нибудь,

иногда — маловажное, обстоятельство, какая-нибудь добавочная случайная причина не уничтожает в человеке последний остаток осмотрительности и самообладания и не вызывает бурного проявления аффекта в соответственных ему действиях.

Столь же мало имеет значения в подобных случаях молва о человеке, сложившееся о его характере мнение у окружающих его лиц. Если благоприятные сведения о прошлой жизни обвиняемого могут говорить в его пользу, свидетельствовать о том, что он, совершая наказуемое деяние, действительно поддался непреодолимому, гнетущему влиянию сильно волновавших его представлений («На совершение убийства в аффекте способны даже благороднейшие характеры», — говорит Фейербах), то, с другой стороны, нельзя считать отягчающим вину обстоятельством страстный и вспыльчивый характер, пока остается нерешенным вопрос, объясняется ли этот характер только простою, сознательною и подлежащею ответственности грубостью и распущенностью нрава или же недостатками воспитания, за которые человек не может отвечать, или, наконец, может быть, — даже врожденным предрасположением, обусловленным неблагоприятными органическими влияниями.

Законодатель идет еще далее, признавая некоторые деяния, совершаемые в состоянии аффекта, вовсе ненаказуемыми. Сюда принадлежит превышение пределов защиты при необходимой обороне вследствие растерянности, страха и ужаса, а во Франции — даже убийство обесчещенным мужем своей жены и ее любовника, застигнутых на месте преступления. Как на обстоятельства, заслуживающие особенного внимания суда в вопросе о смягчении наказания, можно указать на аффектные деяния, совершаемые вследствие несчастной любви (убийство любимой женщины, соединенное с покушением на самоубийство), далее — на деяния, обусловленные ревностью (убийство, соверша-

емое вследствие отвергнутой или обманутой любви), наконец — на деяния, вызываемые крайней нуждой и отчаянием (убийство родных под влиянием мыслей о кажущейся безнадежной борьбе за существование).

Подобное же исключительное психическое состояние, обусловленное сильным душевным волнением, часто встречается у женщин, рожающих вне брака, когда стыд, заботы о будущем, горе о покинутости любимым человеком, презрительное обращение родных и посторонних лиц, материальная нужда и отчаяние вызывают в сознании такую борьбу мыслей, с которой не всякая женщина бывает в силах совладать при помощи своих нравственных воззрений и которая поэтому столь часто разрешается трагическим исходом — в совершении детоубийства несчастной материю. Обсуждение различных случаев физиологического аффекта, будучи по преимуществу психологическим, производится судом большей частью без помощи врачебной экспертизы. К тому же некоторые из этих случаев предвидятся законодательством в особой его части и особенно квалифицируются им.

Но при этом судья всегда должен обращать внимание и на антропологическую сторону обвиняемой личности, принимая в расчет ее врожденные или приобретенные аномалии характера (эксцентричность, чрезмерную раздражительность чувства, умственную ограниченность, доходящую до слабоумия).

Наконец, суд всегда должен иметь в виду, что, кроме тяжкого наследственного предрасположения, эксцентричности, слабоумия и других психопатических моментов, обусловливающих чрезмерно легкое наступление аффектов, склонность к быстрому появлению сильных душевных волнений служит иногда одним из симптомов начинающейся душевной болезни. Так как действительно помешательство в большинстве случаев начинается расстройствами

в сфере чувства (изменениями в настроении духа и, по-видимому, беспричинными, а в сущности — органически обусловленными, болезненно сильными душевными волнениями), то всякий раз, когда возникает вопрос о совершении действия в аффекте, требуется величайшая осторожность, чтобы не просмотреть начинающегося душевного расстройства. Как всюду в биологической области, так и здесь существуют крайне постепенные переходы от физиологического состояния к патологическому.

<...>

Я.А. Боткин

Преступный аффект как условие невменяемости²

<...>

В проявлении преступного аффекта наблюдаются три периода: *период подготовительный*, *период взрыва аффекта*, или *период умописступления*, и, наконец, *период истощения*, психологические элементы которого уже определены.

Подготовительный период бывает хотя и различной продолжительности, но без него все-таки трудно даже и представить себе преступный аффект. Даже публичное оскорбление на словах или действием, бывающее иногда ближайшей причиной взрыва аффекта, и то трудно предположить без подготовительного периода. В самом деле: оскорбление ребенком, или заведомо сумасшедшим, или совершенно незнакомым лицом, или прижатие мозоли, — едва ли могут служить сами по себе причиной аффекта у нормально развитого человека. Все это может причинить физическую боль или вызвать в первое время удивление, но не преступный аффект. Преступный аффект может вызвать только тот человек, к которому данное лицо питало уже некоторое время ненависть и злобу. И мы видели, что подготовительный период состоял именно в нарастании чувства злобы и ненависти или правильнее сказать: в нарастании чувства раздражения. Мы видели, что это чувство вызывалось не внешними впечатлениями, но всегда и везде сложными представлениями, касающимися самых дорогих интересов личности. И это характерно для всяко-

² Боткин Я.А. Преступный аффект как условие невменяемости. Вступительная лекция в курсе судебной психопатологии. — М., 1893.

го аффекта, и должно помнить, что *аффект* — не физическое чувство, но всегда — *психическое чувство, т.е. такое чувство, которое порождается только представлениями*.

Мы видели далее, что, появившись в сознании, сильное чувство прежде всего прерывает естественный ход представлений и превращает произвольное течение представлений в непроизвольное. Это вторая особенность аффекта, и крайне важная. Мы видели, что сильное чувство, вторгнувшись в сознание человека, лишает его способности вызывать представления и управлять ими по своему произволу. Представления приобретают характер насилиственных представлений, т.е. таких, которые появляются в сознании помимо воли, остаются в нем долго и отличаются поэтому своею необычною яркостью, усиливают неприятное чувство, во-первых, тем, что они гармонируют с ним, во-вторых, тем, что тормозят течение произвольных представлений, в-третьих, тем, что не могут быть удалены из сознания произвольно. Таким образом развивается особый заколдованный круг, действующий гибельно на душевную деятельность: представления порождают чувство, оно, в свою очередь, порождает представления, которые, в свою очередь, опять вызывают чувства, гармонизирующие с основным и его усиливающие.

Выражая такое течение представлений психологическими терминами, мы должны допустить, что непроизвольное течение представлений предполагает паралич или же значительное ослабление активного внимания, т.е. той внутренней силы, при посредстве которой человек вызывает в сознании нужные ему представления и управляет ими и которую он ощущает в форме внутреннего напряжения. Можно сказать, что активное внимание есть та внутренняя воля, при посредстве которой совершаются все умственные операции человека: суждения, умозаключения и акт выбора действий. Различают два сорта внимания: активное и

пассивное внимание. Кто смотрит на игру артиста в театре, тот — пассивный зритель, но когда тот же зритель дома воспроизводит эту игру в своей памяти, тогда его внимание делается активным. И мы видели, что Позднышев под влиянием сильного чувства был пассивным зрителем раздражающих его картин, но когда он начинал себя «образумливать», то внимание его становилось активным, и мы знаем, что в это время он усиливался вызвать в своем сознании представления, противоположные тем, которые его раздражали. Он вносил противоречия в свое сознание, и это колебание в противоречиях составляет характерную особенность подготовительного периода аффекта. Этот внутренний разлад, хотя и мучительное чувство, но в то же время и спасительное состояние: оно удерживает человека от преступных действий.

Внутренний разлад исчезает, как скоро аффект переходит в умисступление. Созревшее и вскормленное яростными представлениями сильнейшее чувство рождает яркие как молния двигательные представления о поступке, заполняющие собой всецело все сознание и которые тотчас же проецируются наружу разрушительными мышечными движениями.

Отсюда очевидно, что взрыв аффекта, или умисступление, есть рефлекторный акт, совершающийся роковым образом, как и всякий другой рефлекс. Очевидно, что сильнейшее раздражение переходит тут прямо в двигательный акт без всяких задержек. И откуда взяться задержкам, когда сознание заполнено одним или несколькими однородными необыкновенно яркими двигательными представлениями — оттененными сверх того сильнейшим чувством.

Каждому образованному человеку хорошо известно, что эти задержки составляют также представления, но двигающиеся, так сказать, навстречу первым представлениям и мешающие им прорваться наружу.

Каждому по внутреннему опыту хорошо известно, что волевой акт выбора, которым определяются наши поступки, — заключается в сопоставлении *разнородных* представлений, но когда они *однородны* или когда сознание выполнено одним представлением, — тогда выбора быть не может.

Выяснивши все отдельные элементы, слагающие аффект, можно вывести следующее его определение. *Преступный аффект* составляет такое сильное психическое чувство, которое, прерывая обычное течение представлений, превращает его в непроизвольное течение однородных представлений, с характером насилия, гармонирующих с господствующим чувством, вследствие чего уничтожается как свобода выбора, так и всякая произвольная умственная деятельность. Неизбежно, роковым образом выражаясь внешними бурными движениями, преступный аффект сопровождается временем большим или меньшим истощением психических и физических сил. Сверх того должно помнить, что третий период аффекта, *период истощения*, составляет главный диагностический критерий преступного аффекта.

В этом определении не говорится ничего о помрачении сознания и беспамятстве, свойственным будто бы преступному аффекту. Но мы видели, что этот элемент не характерен для периода умисстupления, периода, когда именно и совершается преступление. Он более постоянен в последующем периоде. Но тут-то и говорится, что он состоит в большем или меньшем истощении физических и психических сил, а такое определение без сомнения содержит в себе понятие и о помрачении сознания и памяти.

Но юристу важно знать не то, что было после преступления, но то, что было в момент совершения преступления. Вот тут-то и оказывается, что в умисстupлении поступки могут сознаваться с необычайною яркостью, но весь секрет заключается в том, что в умисстupлении че-

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов-составителей	3
Часть I. ИССЛЕДОВАНИЯ АФФЕКТА В СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ	
<i>Р. Крафт-Эбинг.</i> Судебная психопатология	8
<i>Я.А. Боткин.</i> Преступный аффект как условие невменяемости	13
<i>В.Ф. Чиж.</i> Аффект	20
<i>Я.М. Калашник.</i> Патологический аффект	25
<i>Т.П. Печерникова, В.В. Гульдан, В.В. Остришко.</i> Особенности экспертной оценки аффективных реакций в момент совершения правонарушения у психически здоровых и психопатических личностей	34
Часть II. ИССЛЕДОВАНИЯ АФФЕКТА В ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ	
<i>С.Л. Рубинштейн.</i> Аффекты	46
<i>А.Н. Леонтьев.</i> Эмоциональные явления. Аффекты	49
<i>А.Н. Леонтьев.</i> Выражение эмоций. Эмоции, настроения, чувства	65
Часть III. СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТНЫЕ КРИТЕРИИ ДИАГНОСТИКИ АФФЕКТА У ОБВИНИЕМОГО	
Пособие для врачей и медицинских психологов. Методические рекомендации от экспертов	78
Часть IV. ПРАКТИКА КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ АФФЕКТА	
<i>Б.В. Шостакович, О.В. Леонова, И.М. Майорова.</i> К вопросу о патологическом аффекте	129
<i>Т.П. Печерникова, Н.В. Лазько, Н.А. Качнова.</i> Патологический аффект в практике судебно-психиатрической экспертизы	144
<i>Ф.В. Кондратьев, Ю.Д. Криворучко, Г.А. Фастовцов, М.И. Хадикова.</i> Особенности клинико-дифференциальной диагностики патологического аффекта в судебно-психиатрической практике	156
<i>Ф.С. Сафуанов, А.О. Наумович, Д.А. Малкин.</i> Инцест, аффект и отцеубийство	175

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.